

# ОБЕТЫ в народной жизни



**О**бет — это обязательство, добровольное налагаемое на себя человеком или целой общиной в качестве благодарности Богу за избавление от бед, болезней или иное благодеяние. Во исполнение обета могут быть совершены самые разные действия (не обязательно культового характера), в которых народ видит проявление религиозной веры.

Христианство наполнило древний обычай новым содержанием, соответствующим духу веры, готовности к жертве вплоть до самоотречения. Подчеркнем, что сам русский народ признавал особую важность не внешней, материальной, а духовной стороны обета, связанной с желанием «духовно потрудиться».

Формы обетов могли быть коллективными и личными, причем взятый отдельным человеком обет имел подчас отношение и к жизни большой группы людей. Давали обеты в основном пожилые люди, особенно женщины, на какой-то период времени (несколько месяцев, год) или на всю жизнь и прибегали к ним, как правило, в чрезвычайных обстоятельствах (при стихийных бедствиях, войнах, эпидемиях, тяжелых заболеваниях).

С древности на Руси был распространен обычай строить по обету храмы и часовни; народ выделял их среди всех других и называл «обетными». Если они были построены за один день, их называли «обыденными». Такие церкви ставили в честь избавления деревни, города или всего государства от того или другого общественного бедствия. Построение обетной церкви или часовни полагало начало и празднику, связанному с Иисусом Христом, Божьей Матерью или с тем святым, в честь которого возводили храм. Однако нередко праздник утверждался по обету и без построения церкви (часовни).

Как известно, церковные праздники посвящены каким-либо знаменательным для церкви событиям и отличаются особым богослужением, в котором вспоминается событие, послужившее причиной праздника. Храмовый же (престольный) праздник отмечался в день памяти того события или святого, которому посвящен храм. Каждая деревня имела свои «престолы», и нередко не один, а два: весенний и летний или осенний и зимний.

Обетные праздники естественно вписывались в сложившийся цикл религиозных. Храмовые и обетные (иначе — «заветные») праздники часто совпадали друг с другом. Отмечали и те и другие по три дня, за исключением поры сенокоса, когда гуляли один день, а на другой — уже работали.

В престольных и обетных праздниках (особенно если они совпадали) принимала участие вся деревня, приглашали родственников из округи. На праздник сходились гости из других приходов, расположенных за 20 и более верст, часто только на один день. Крестьяне сообщали деньги духовенству за совершение службы. Они ходили в церковь, участвовали в принесении икон и возвращении их обратно в церковь, готовили дома лучшие блюда и созывали гостей.

В деревне вначале служили общий молебен с водосвятием на улице, потом направлялись с иконами в каждый дом, где после молебна духовенство угощалось и получало в вознаграждение по каравану хлеба и деньги. Если «молебства» справляли поочередно, то крестьянин, для которого наступал «свой черед», должен был заплатить за обедню, за молебен, «откормить» обедом причт и своевременно отправить иконы. Он следил еще за порядком празднования. Если же человек брал на себя расходы не по «череду», а по жребию, то крестьяне считали долгом дать ему некоторую сумму.

Приведем интересное описание праздника, сделанное в конце XIX в. в Вологодской губернии.

В день обетного праздника отправлялись к храму к обедне. Все нарядно одеты, особенно молодежь. К этому дню «парни с девицами обновку покупают. Девки до благовеста рассаживаются на ступенях лестницы, при входе в храм... С ударом колокола все «шляпошницы» (так называют девушек более зажиточных) отправляются в церковь и занимают самый перед, тогда как девицы в платочках остаются позади, а за ними бабы. Пока читаются часы пред обедней, парни остаются на улице. К началу обедни парни идут в церковь и более голосистые занимают место на клиросе для участия в пении. По окончании обедни девки берут иконы, а ребята — хоругви, и

крестный ход при звоне колоколов провозжают в деревню, где продолжается молебствование. В деревне иконы встречали бабы — «стряпухи», оставшиеся дома для приготовления праздничного стола. Когда молебен заканчивался, то именно «стряпухи» брали иконы и возвращали их в церковь. Мужчины и молодежь расходились по домам, где их ожидали гости-родственники.

По записи, сделанной в с. Песошном той же губернии, можно живо представить себе, как проходил домашний обед в день обетного праздника. Он начинался с благословения священника. Его сажали в передней угол под иконы, рядом с ним — дьякона, псаломщика, а потом рассаживали гостей: сначала «тестюшко» и теща, дальше зятевья, шурины с бабами и, наконец, дальние родственники, гости из своего прихода и другие<sup>2</sup>. Для пиршества сдвигали в ряд несколько столов, покрытых белой скатертью. «Первыми подавались пироги с рыбой, далее студень, щи, жаркое и пироги, которых бывало до шести перемен и более, все круглые. Перед кушаньем следовала выпивка с приговорами. Хозяин и хозяйка потчевали гостей»<sup>3</sup>.

В постные дни старались наготовить даже больше еды, «до пятнадцати перемен», из допускаемых продуктов. Достоинство обеда определялось количеством круглых пирогов. За столом вели разговоры о хозяйстве, урожае, пели духовные песни, поминали умерших, особенно тех, которые еще в прошлом году сами присутствовали на празднике. «В том доме, где потчевали церковный причт, обед отличался большей торжественностью, и крестьяне считали большим одолжением, если священник разрешал за обедом пение и особенно если сам принимал в нем участие»<sup>4</sup>. После обеда старшие отдыхали часа два, а молодежь летом выбиралась на улицу, а зимой собиралась в чьей-либо избе. Подходили парни из других деревень. Девочки пели песни, «ходили рядами» человек по восемь, а парни или подпевали, или подыгрывали на гармошке. Такое гулянье из конца в конец по улице продолжалось до вечера, когда приходили девицы из других деревень, и начиналось настоящее гулянье. Народу собиралось много, женщины, ста-

рушки и старики, как правило, рассаживались около домов на бревнах. Этот праздник считался обязательным для всей деревни, села, а тех, кто не принимал участие в нем, осуждали.

Многие обетные праздники приходились на весну или вторую часть лета, поэтому обыкновенно в этот день совершали и крестный ход в поля – для освящения озимых или яровых полей. Впереди процессии несут кресты, иконы и святое Евангелие. Если в деревни храма нет, то крестный ход шествует от приходской церкви, расположенной в ближайшем селе. Процессия идет не только на поля, но и к рекам, колодцам, озерам для водоосвящения.

Приведем свидетельство очевидца, рассказавшего, как проходил обетный (следовательно, и обычный) крестный ход в д. Василеве Янгорской волости Вологодской губернии 26 июля 1866 г. Здесь, как и во многих других деревнях той же волости, крестные ходы на поля (называли их богомольями) бывали дважды – перед началом посева яровых, а затем перед севом озимых или завершении сева.

“Раздался благовест большого колокола к утренней службе при Никольской церкви, в будничный день. Подходя к деревне, я увидел множество народа с развевающимися хоругвями. Несмотря на такое количество народа, было тихо, как в могиле. Ни шепота, ни брожения с одного места на другое, как обыкновенно бывает на градских крестных ходах... Здесь все проникнуто духом веры и теплыми молитвами, испрашивали благословения Божия на предпринимаемое дело”... Отпев молебен и окропив все поле святою водою, кресты принесли обратно в церковь. И ... вдруг все пришло в волнение, раздался общий разговор, смех”<sup>5</sup>.

В городах крестный ход также часто совершался в обетный день. Так, в г. Меленки Владимирской губернии в прошлом столетии “за прекращением холеры был положен гражданами урочный (обетный. – И.К.) день”, на него ежегодно совершался несколько лет крестный ход вокруг города, а к 1872 г. он был заменен “мольбой с коленопреклонением, совершаемым духовенством в Церкви на Духов день”<sup>6</sup>.

Деревенские часовни обычно не имели своих икон, их по мере надобности приносили из церкви. Однако часто крестьяне сами по обету “заводили” иконы в часовнях по причине глубокой веры в помощь святых, их защиту от всяческих бед. С момента “заведения” иконы деревня обязательно устраивала в ее честь праздник. В качестве примера можно привести праздник в честь иконы Тихвинской Божией Матери, которую “завели” жители д. Большое Воронино Кадниковского уезда в 90-х г. XIX в. после сильного града, истребившего весь хлеб на

полях. Праздник в честь иконы Иерусалимской Божией Матери был установлен там же в 70-х гг. XIX в. по обещанию после холеры, во время которой в деревне умерло пятнадцать человек<sup>7</sup>. В некоторых местностях “заветные мольбы” и праздники устраивались для того, чтобы Господь “не посетил чем”, т.е. для предотвращения будущих бедствий. На деревни, не имеющие особого богомолья, смотрели косо, называли безбожниками их жителей и пророчили несчастья.

**Р**азнообразные индивидуальные обеты брались при тяжелых болезнях, когда угрожала смерть. Тогда, чтоб склонить гнев Божий на милость и получить исцеление от болезни, прихожанин обещал Богу поставить особую свечку, отслужить специальный молебен в своей приходской или другой церкви, сходиться в другое село во время известного церковного праздника, иногда обещал отправиться на поклонение к

*По существу все, что связано с обетами, выделялось среди повседневных проявлений веры, так как совершалось в дополнение к обычным религиозным обязанностям человека...*

мошам святых угодников, уйти в монастырь и т.д.

Женщины чаще всего при болезнях близких давали обещание пожертвовать в церковь кусок холста, полотенце, платок, сарафан, и т.д. Так, крестьяне Костромской губернии рассказывали, что иконы в их деревенских церквях постоянно бывали обвешаны полотенцами и платками. В Солигаличском уезде в четырех верстах от с. Богоявления “в лесу около маленького ручейка стоит икона Тихвинской Божией Матери. Здесь небольшой колодчик, из которого берут воду для святости и для здоровья”. Эта икона всегда бывает обвешана по обещанию. У кого голова болит – вешают повойник или платок. Если что-либо другое болит, вешают другую часть из одежды”<sup>8</sup>. В Вологодской губернии во время болезней головы, рук, ног и т.д. иные обещали сделать на чудотворный или особенно чтимый образ серебряную привеску и после выздоровления привешивали к образу святого, даровавшего им исцеление, серебряное изображение руки, ноги, головы. В этой же местности при зубной боли делали деревянный зуб и вешали его на икону Св. Антипия, целителя зубной боли.

По материалам А.К.Супинского, в Вологодской губернии многие крестьяне приводили к церкви на Ильин день живой скот (коров, овец, бычков) издалека, из разных деревень. После богослужения этот скот продавался, а деньги, вырученные за него, поступали в пользу церкви. Так, “в Чарозерской местности, Вологодской губ. в Ильин день на местный храмовый праздник приводили к церкви

иногда до двенадцати животных – откормленных по обету быков. Это так называемые чистые бычки. Здесь их кололи, причем шкура оставалась хозяину, бой поступал в пользу причта, а мясо продавалось присутствующим в церкви прихожанам за деньги, нередко поступающие в пользу церкви. Приобретенное мясо варилось тут же на кострах у церкви и съедалось”<sup>9</sup>. Подобные обычаи соблюдались по всей округе вплоть до Октябрьской революции. По местным преданиям, обычай возник давно как средство защиты от падежа скота. В одной из волостей Вологодской губернии (ныне территория Чепецкого сельсовета) этот обычай соблюдался в таком виде: “Обетных бычков приводили к церкви рано утром и ставили с восточной стороны алтаря. После благословения животных священником старший мужчина в волости первый убивал одно из животных.

Кожа снималась в пользу хозяина, лучший кусок мяса вырезался церковным старостой в пользу причта. Разрубленное мясо делилось по душам. Каждая семья варила его отдельно на своем костре, разведенном тут же, у церкви.

Когда пища была готова, священник благословлял ее, обходя костры. После этого начиналось всеобщее пиршество”<sup>10</sup>. В этом случае мясо не продавалось, а раздавалось даром, по обещанию, чтобы предотвратить падеж скота.

Если у хозяина умирали лошади, то он давал обет не работать на них по праздникам и строго следовал ему. По обещанию многие крестьяне, в том числе старушки и старики, ходили со святыми иконами во время крестных ходов, обетных праздников, Пасхальной славы. Таких людей, носивших иконы от дома к дому и от селения к селению, называли богоносцами. Прихожане Спасо-Преображенского прихода Тотемского уезда во время крестного хода 6 августа, в день Преображения Господня, который сопровождался водосвятием, по обету входили в воду. В течение всего обряда мужчины и женщины стояли в холодной воде по пояс. Пригоняли и лошадей, вводили их в воду и так держали во время ритуала водоосвящения, который издавна был перенесен с 1 на 6 августа – по обету”<sup>11</sup>.

Случалось, давали обет за детей, которые страдали какой-либо хронической болезнью (иногда обед должен был выполнить сам страдающий, когда вырастет). Если болели мальчики, то родители давали обещание в случае выздоровления отправить их в качестве бесплатного работника на год или на два в Соловецкий монастырь.

Некоторые крестьяне накладывали на себя и обетные посты, т.е. устанавливали сверх принятых церковью постов и постных дней (среды и пятницы) дополнительные периоды воздержания от

пищи или ограничения в еде, “понеделничали” — не ели скоромного и в понеделник в течение всей жизни. Был известен и обычай “понеделничать” в течение всего сорокадневного периода Великого поста. Это означало, что по понеделникам Великого поста не ели ничего и пили только воду.

Во многих местностях было принято поститься двенадцать пятниц: в эти дни люди ничего не ели вплоть до захода солнца. Разновидностью обетного поста мог быть отказ от мясной и молочной пищи. Так, в деревне Кокшеньге Тотемского уезда было “много вегетарианцев, которые дали слово ради спасения души никогда не есть мяса, а многие женщины иногда не ели мясной пищи в течение известного срока по причине несчастливых родов”<sup>12</sup>. Добровольные дополнительные посты накладывали на себя или вследствие болезни, или же просто из духовного усердия, “ради подвига”. Постничали преимущественно пожилые люди, особенно женщины.

Наряду с пищевыми ограничениями в виде постов широко известны и обетные отказы от питья спиртного: давали зарок не пить вина никогда, но иные — до определенного срока или в посты, особенно в Великий. Бывало, что зарекались и нюхать табак. Часто таким образом люди излечивались от этого порока.

И мужчины, и женщины уходили по обету в монастырь. Причиной часто служила серьезная болезнь, а также случаи, когда жизнь подвергалась опасности. Что касается крестьян, то они могли уйти в монастырь только с согласия общины, хотя на первый взгляд такое решение было делом семейным. Намерение молодого здорового крестьянина уйти от мирской жизни встречало настороженное отношение общины: на ней оставался его подушный оклад<sup>13</sup>.

Бывало, что девушки обещали уйти в монастырь или остаться незамужними. Незамужней девица иногда оставалась и в силу родительского обета: если она сильно болела, то отчаявшиеся увидеть ее здоровой родители обещали в случае благополучного исхода оставить ее при себе. Те девушки, которые по обету родителей или по своему собственному решению оставались в родительском доме, назывались “черничками”<sup>14</sup>.

Обеты тесно связаны с почитанием святых. Путешествие для поклонения святым местам — “богомолье” (в частности, и по обещанию) являлось распространенным русским обычаем. Рассказы о целительной помощи тех или иных святых мощей проникали в самые глухие уголки России. Крестьяне, считая паломничество богоугодным делом, пред-

почитали проделывать путь к святыням (как к ближним, так и к дальним), часто трудный, пешком — даже зимой. Правда, когда вода была преградой для пешего пути, часть дороги плыли на парохе; позднее иногда пользовались и железной дорогой. Крестьяне старались хотя бы один раз в жизни совершить паломничество, нередко к дальним святыням — на Соловецкие острова, в Киев, в Троице-Сергиеву лавру и даже в Иерусалим.

Из Рязанской губернии в Москву, Троице-Сергиеву лавру ходили группами, человек по пять, весной и летом, а в Киев выбирались лишь единицы. И из Владимирской губернии, в частности из Шуйского уезда, крестьяне ходили в Киев редко, объясняя, что для такого паломничества нужно много времени, поэтому они предпочитают ходить к своей ближней Шуйско-Смоленской чудотворной

*Народ имел свои побудительные причины для духовных стремлений, во многом связанных с общинными основами крестьянской жизни, с давними представлениями о справедливости и, главное, с искрен. эстью и непосредственностью.*

иконе Божией Матери, а также к суздальским чудотворцам и в Троице-Сергиеву лавру. Обет сходить поклониться святым мощам давали, как правило, в важных случаях жизни: при выздоровлении от тяжелой болезни, после несчастья, например смерти ребенка, пожара. Женщины отправлялись на паломничество чаще, чем мужчины. Особым почитанием русских крестьян пользовались соловецкие угодники Зосима и Савватий.

Собираясь в дальний путь, выясняли, кто еще идет туда же из своей или ближних деревень. Брели с собой хлеб, сухари, чай, сахар. “В дороге старались не вести пустых разговоров, не думать о домашних делах, не злословить, а держать себя в религиозном настроении. По дороге хлеба на пропитание не просили”<sup>15</sup>. Если шли издалека, то отправлялись редко на свой счет, а больше всего на собранные деньги. На Соловках богомольцев помещали в гостинице на трое суток, кормили бесплатно и давали на обратную дорогу хлеб.

Обычно богомолья совершали по весне, так что крестьяне к страде возвращались домой. Один из наблюдавших паломничество писал: “Можно подивиться самоотверженности, с каким иногда целые толпы, в том числе дряхлых летам, не разбирая дождя, грязи, с посохом в руках спешат в ту или иную обитель, питаясь дорожно собственными сухарями и усердно сберегая копейчку на свечу и молебен угоднику”<sup>16</sup>.

Итак, разнообразные обеты были важной частью религиозной жизни русского народа. В них отражались и представления о важности пожертвования, и идеи

духовной пользы самоограничения, и общинные традиции. Поступки, совершаемые по обету, по форме не были какими-либо особыми религиозными действиями: такие же праздники отмечались, такие же приношения или паломничества совершались и не по обету. Но по существу все, что связано с обетами, выделялось среди повседневных проявлений веры, так как совершалось в дополнение к обычным религиозным обязанностям человека, означало добровольно возложенные на себя дополнительные тяготы. Принесение обета давало сильную психологическую поддержку людям, ощущавшим потребность проявить свою веру.

В разъяснении духовного смысла обетов определенную роль играла деятельность духовенства. Священники не отрицали богоугодности обетов, они старались так направить прихожан, чтобы “эти обеты были не только разумны и богоугодны, но и душеспасительны, чтобы они способствовали нравственному преуспеянию христианина”<sup>17</sup>.

Однако не только разъяснения духовенства вдохновляли крестьян на раздумья о нравственном смысле взятых на себя обязательств. Народ имел свои мощные побудительные причины для духовных устремлений, во многом связанных с общинными основами крестьянской жизни, с давними представлениями о справедливости и, главное, с искренностью и непосредственностью.

## Примечания

<sup>1</sup> Российский этнографический музей (далее — РЭМ), ф. 7, оп. 1, д. 27, л. 2. Вологодская губ., Вологодский у.

<sup>2</sup> РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 56, л. 7. Вологодская губ., Вологодский у.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Четверухин И. Янгосар // Вологодские губернские ведомости (далее — ВГВ). 1866. № 13. С. 103.

<sup>6</sup> Владимирские губернские ведомости. 1872. № 4. С. 21.

<sup>7</sup> Государственный архив Вологодской обл. (далее — ГАВО), ф. 883, д. 214, л. 58.

<sup>8</sup> Институт русской литературы РАН (далее — ИРЛИ). Коллекция 163, папка 2, № 50 (Смирнов В.М. Материалы о народном суеверии Костромской губ.), л. 10 об.

<sup>9</sup> ИРЛИ. Коллекция 48, А.К. Супинского, папка 1, № 5, л. 35.

<sup>10</sup> Там же, л. 37.

<sup>11</sup> РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 345, л. 10. Вологодская губ., Тотемский у.

<sup>12</sup> ГАВО, ф. 883, д. 214, л. 57. Вологодская губ., Кадниковский у.

<sup>13</sup> См.: Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 119.

<sup>14</sup> См. подробнее: Тульцева Л.А. Чернички // Наука и религия. 1970. № 11. С. 64.

<sup>15</sup> Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 118.

<sup>16</sup> Черты нравственно-религиозной жизни поселян некоторых уездов Вологодской губ. // ВГВ. 1865. № 20. С. 184.

<sup>17</sup> Руководство для сельских пастырей. 1886. Т. 1. № 2. С. 62.